

УДК 39(571.54) / ББК 63.5 (2Р54)

О малоизвестных аспектах этнической истории хори

Б.Р. Зориктуев

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, ул. Сахьяновой 6, Улан-Удэ,
Республика Бурятия
enhe_z@mail.ru

Статья поступила 13.11.2018, принята 8.12.2018

В статье исследована ранняя история крупной бурятской племенной группы хори, состоявшей из родов монгольского и тюркского происхождения. История ее тюркской части прослеживается до сопредельных районов Северо-Западной Монголии и Саяно-Алтая. На этой территории в первых веках нашей эры сложилась единая этнокультурная общность из нескольких племен теле, почитавших лебедя в качестве тотемического предка. В начале VI в. телесцы были разбиты племенами тукю, в связи с чем хоринцы отошли в район Куку-нора, к Цайдаму. Там, между Монголией и Тибетом, после слияния их с монголоязычными родами сложилось классическое по типологии двуфратриальное племя, называвшееся хори. Важный для хоринцев цайдамский период отразился также в том, что вместо обезличенного саяно-алтайского мифа об охотнике и девушке-лебеди сложился сугубо хоринский вариант мифа о Хоридой-мэргэне, чей брак с дочерью Неба лебедем состоялся на берегу оз. Садамтын Сагаан. Предположительно в начале второго тысячелетия хоринцы прибыли на западное побережье Байкала. С верховья Лены они до 40-х гг. XVIII в. постепенно перешли в Забайкалье. Этот финальный байкальский этап этнической истории хори получил развернутое выражение в позднем варианте мифа о Хоридой-мэргэне, в котором действие происходит на о. Ольхон и обеих сторонах оз. Байкал.

Ключевые слова: племя хори; культ лебедя; объединение теле; Северо-Западная Монголия и Саяно-Алтай; Цайдам; Байкал.

On the little-known aspects of the ethnic history of the Khori

B.R. Zoriktuev

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS; 6, Sakhyanova St., Ulan-Ude,
Russia
enhe_z@mail.ru

Received 13.11.2018, accepted 8.12.2018

The paper deals with the early history of the large Buryat tribal group of the Khori which consists of clans of the Mongolian and the Turkic origin. The history of its Turkic part is traced in adjacent regions of Northwest Mongolia and Sayan-Altai. In this territory in the first centuries of our era the common ethnocultural community of several tribes of the Tele who worshiped a swan as the totem progenitor was developed. At the beginning of the 6th century the Tele were defeated by tribes of the Tukyü and this is the reason why the Khori moved to the region of Kuku-Nor, to Tsaidam. There, between Mongolia and Tibet, after their connection with Mongolian clans, the classic two-phratril tribe named the Khori was developed. The Tsaidam period, important for the Khori, could be also confirmed by fact that instead of the depersonalized Sayan-Altai myth about the hunter and the girl-swan there is particularly the Khori's version of the myth about Khoridoi-mergen who married the daughter of Heaven, a swan, on the bank of the lake Sadamtyn Sagaan. Admittedly at the beginning of the second millennium the Khori arrived to the western coast of Baikal. Till the 40-s of the 18th century they gradually passed from the headstream of Lena to the eastern coast of Baikal. This final Baikal stage of ethnic history of the Khori was reflected in the late version of the myth about Khoridoi-mergen where the action takes place on the island of Olkhon and on both sides of Lake Baikal.

Keywords: tribe of the Khori; cult of a swan; union of the Tele; Northwest Mongolia and Sayan-Altai; Tsaidam; Baikal.

Бурятская народность состоит из пяти основных этнических компонентов: племенных общностей булагат, эхирит, хонгодор, хори и сборной территориально-этнической группы, называемой по месту локализации *селенгинские буряты*. Если относительно происхождения селенгинских родов ситуация довольно ясна (одну их

часть составляют мигрировавшие на Селенгу и ее притоки в XVII — начале XVIII вв. группы из Монголии, а другую — также поздние, начала XVIII в., пришлые с западной стороны Байкала, преимущественно булагатско-эхиритские роды), то этого нельзя сказать в отношении четырех первых групп. Недостаточная или практически

полная неизученность этногенеза булагатов, эхиритов, хонгодоров и хоринцев обусловила закрепление за ними в этнографической литературе во многом условного названия *автохтоны байкальского региона*, хотя в действительности таковыми являются лишь некоторые из них.

В прошлом из названных групп наиболее известным во Внутренней Азии было племя хори. Об этом можно судить хотя бы потому, что его имя неоднократно (восемь раз) упоминается в самом раннем дошедшем до наших дней памятнике «Тайная история монголов» (1240 г., далее в тексте — ТИМ) [1, § 8, 9] и пять раз в труде персидского историка Рашид-ад-дина «Сборник летописей» (1310/11) [2, с. 77, 121, 124, 150, 156], тогда как о других этносах упоминаний в данных источниках не имеется. Поэтому вполне закономерно, что при изучении этнической истории Байкальского региона исследователи обычно прежде всего берутся за разработку вопросов этногенеза хоринцев.

Одним из первых к данной теме обратился Г.Н. Румянцев. Поставив под сомнение основательно фундированные результаты исследования А.П. Окладникова о происхождении и этнической принадлежности жившего по западную сторону Байкала крупной этнической группы курыкан (гулиган), он предложил свою, уступающую по степени обоснованности гипотезу, согласно которой курыканское объединение состояло из тюркских, тунгусских и монгольских компонентов, причем монгольский, по похоже звучащим корням *кур* и *хор*, был представлен хоринцами [3, с. 128–132].

Несколько схожей точки зрения придерживается Б.З. Нанзатов. По его мнению, значение этнонима *хори* — «оберегать, охранять». Это слово было основой лексемы *курыкан*, семантика которого — «стан, военный лагерь». Из курыканов, состоявших их трех частей (уч-курыкан), пишет Б.З. Нанзатов, в верховьях Ангары и Лены были организованы военные гарнизоны, предназначенные обеспечивать двор тюркского кагана пушниной. Хоринцы составляли подразделение в одном из этих гарнизонов [4, с. 19, 30–31].

Значительную работу по изучению этногенеза хоринцев провел Ц.Б. Цыдендамбаев. Проанализировав названия родов хоринцев, он пришел к выводу, что в образовании племени важную роль сыграли не только монгольские, но и тюркские этнические группы. Это явилось совершенно новым в бурятоведении словом. Следуя за Г.Н. Румянцевым и полагая, что в основе названия *сяньби* лежит слово *хор*, которым тибетцы называли монголов, он предположил, что племя хори является частью хоров-сяньбийцев. Оно получило право на самостоятельное существова-

ние после распада сяньбийского единства в III в. н. э. [5, с. 199–206, 221].

С последним выводом Ц.Б. Цыдендамбаева согласиться невозможно. Мне приходилось писать о том, что тибетцы не называли монголов *хорами*. Проведенные в Тибете полевые исследования показали, что у тибетцев слово *хор* является общим наименованием всех кочевых скотоводов, независимо от их этнической принадлежности. Монголов тибетцы как в далеком прошлом, так и сейчас именуют *сог* [6].

Д.Д. Нимаев вначале тоже считал, что хоринцы имеют сяньбийское происхождение и появились около Байкала в середине I тыс. н. э. Позже он поменял свою точку зрения на другую, согласно которой хоринцы около X в. выделились из состава байырку. Эта общность, пишет Д.Д. Нимаев, была монгольским племенем баргут, которое в танское время называло себя тюркским именем *байырку*. С завершением тюркского господства произошел возврат к исконному названию *баргут* [7, с. 85]. Таких крутых зигзагов в истории баргутов никогда не было, о чем свидетельствует исследование истории байырку [8, с. 64–71].

Изложенная гипотеза, которая привлекла внимание Д.Д. Нимаева, бытует в изданной на северо-востоке Китая, в городском округе Хулун-Буир, краеведческой литературе. Ее авторы утверждают, что в период Тан байырку ушли к Байкалу. Контакты и тесные связи с курыканами привели к образованию общности баргут, из которой выделилось племя хори. Хулун-буирские краеведы, как и Д.Д. Нимаев, не раскрывают механизм того, как реально развивался процесс взаимодействия курыканов и байырку и каким образом от байырку образовались хоринцы [9, с. 26; 10, с. 12; 11, с. 33].

Б.Б. Дашибалов полагал, что *хори* — это слово *хор*, которым тибетцы называли северных кочевников и в их числе хоринцев. Поэтому средневековые хоринцы назывались *хори-монголами*. Центр этногенеза хори-монголов находился в Южной Маньчжурии, примыкающей к Ляодунскому заливу Желтого моря, откуда они перешли на Корейский полуостров. Свидетельством обитания хори-монголов на тихоокеанском побережье является открытая в устье Амура покровская археологическая культура. С Корейского полуострова хори-монголы появились в районе Байкала [12, с. 14, 22, 23, 44, 55, 59].

Выше мной указано, что тибетцы всегда называли монголов *сог*, а не *хор*. Кроме того, выходящие к морю районы Дальнего Востока, включая Корейский полуостров, с древности были зоной компактного расселения племен дуньи, состоявших из тунгусских и палеоазиатских этнических

групп. Что касается покровской археологической культуры, то хорошо известно, что она имеет мохэское происхождение, а культура мохэ, в свою очередь, выросла из польцевской. Имеющиеся данные не подтверждают гипотезу о дальневосточном происхождении хоринцев, да и вообще монголов.

Перечень публикаций и их разбор можно было бы продолжить, но необходимости в этом нет. Очевиден широкий разброс не обоснованных должным образом мнений. Причины видятся в том, что исследователям недостаточно известны начальные этапы этнической истории хоринцев. Кроме того, ими не учитывался взгляд на свою историю самих хоринцев, которые твердо убеждены в том, что являются пришлыми к Байкалу людьми. Все они говорят о том, что их древней прародиной была местность Наян-Наваа, находившаяся в далекой теплой и благодатной стране. О ней, как о навсегда потерянном отчем крае, сохранилась наполненная тоской и грустью песня «Наян-Наваа», которую в прежние времена знал каждый член хоринского племени [13].

В 2003 г. Ц.Ц. Доржиным был издан небольшой труд под названием «Легендарная земля Наян-Наваа и белое пятно бурятской истории». Автор пишет, что на севере Ирака, между реками Тигр и Евфрат, имеется топоним *Найнава*, который близко напоминает звучащее в хоринской песне название *Наян-Наваа*. Именем *Найнава* называется провинция в Северном Ираке (в Верхней Месопотамии), административным центром которой является Мосул. По территории провинции протекают реки Большой и Малый Заб, к западу от Мосула расположен городок Эль-Бади. Такие же названия *Заб* и *Бада*, сообщает Ц.Ц. Доржин, встречаются в разных вариациях песни «Наян-Наваа» [14, с. 4, 16, 19, 24].

В целом одобряя инициативу Ц.Ц. Доржина по разработке почти полностью забытой уже проблемы прародины хоринцев, считаю в то же время нужным подчеркнуть, что, сколь ни заманчиво отождествить названия *Найнава* и *Наян-Наваа*, на данный момент по одному слову *Найнава* реконструировать раннюю историю хоринцев невозможно. Отсюда вытекает вывод, что поисковую работу в данном направлении необходимо продолжать.

По сравнению с темой прародины хоринцев, носящей пока слишком неконкретный и абстрактный характер, реальная хоринская история «дотягивается» приблизительно до первых веков нашей эры. В начале статьи, в обзоре работ, посвященных этногенезу хоринцев, отмечено, что, по данным Ц.Б. Цыдендамбаева, в этническом составе бурятского племенного этноса хори, включающего в себя 11 родов, высок удельный

вес тюркских по происхождению подразделений. К таковым автор на основе анализа самоназваний относил роды хуасай, хубдүүд, харгана, ху-дай, халбин. Два первых этнонима, *хуасай* и *хубдүүд*, образованы от тюркского слова *куба* — «лебедь», их значение — «те, которые произошли от лебедя». Тотемическим первопредком остальных трех родов, несмотря на то, что их названия этимологизируются по-другому, являлась эта же птица лебедь [5, с. 199–206].

Становление хоринцев-«лебединцев», формирование и стабилизация присуших им этнических признаков относятся к сопредельной территории Северо-Западной Монголии и Саяно-Алтая. Об этом говорит то, что известный миф хоринцев об их предке Хоридой-мэргэне, женившемся на девице-лебедь, по типологии идентичен мифам тувинского племени куулар («лебеди») и бурятской племенной общности хонгодор (семантика ее самоназвания — «Солнечной Лебедицы потомки») [15, с. 230], первоначальной родиной которого является Северо-Западная Монголия [16, с. 467]. Оба этноса, куулар и хонгодор, о чем свидетельствуют их этнонимы, в качестве тотема также почитали лебедя. К тому же, нельзя забывать и тот факт, что в Евразии в первой половине I тыс. н. э. мощным центром формирования культа предка-лебедя стал Алтай.

В кууларском мифе (он записан мной у кууларов, живущих в Хубсугульском аймаке Монголии), который до недавнего времени был неизвестен исследователям, говорится, что в давние времена один охотник промышлял на берегу озера. Вдруг на берег спустились восемь лебедей, которые сняли свои птичьи одежды, превратились в прекрасных девушек и стали купаться в озере. Охотник подкрался к берегу и похитил одну одежду. Когда девушки вышли из воды и облачились в свои наряды, они вновь превратились в лебедей и взмыли в небо. Та же, которая осталась без одежды, согласилась с предложением охотника стать его женой. Она родила ему трех сыновей, от которых образовались кууларские роды [17].

Этот же миф бытует, как сказано, у племен хори и хонгодор. Хоринцы обычно дополняют его словами о том, что «хори хун шубуун гарбалтай, хуһан модон сэргэтэй» («хоринцы имеют предком лебедя, обладают березовой коновязью»). Точно такое же поверье существует у кууларов (в том числе и у живущих в Хубсугульском аймаке Монголии). Приводимый здесь текст был записан у них, только они говорят, что имеют не березовую коновязь, а березовую трость, под которой, по-видимому, подразумевается шаманская трость. У кууларов поверье звучит так: «Хуулар хун шувуу гарвалтай, хусан модон таяг-

тай» («Куулары имеют предком лебедя и обладают березовой тростью») [18].

Наличие общего мифа о происхождении от предка-лебедя является весомым свидетельством близкого родства хонгодоров, хоринцев и кууларов в далеком прошлом. О родстве хонгодоров с хоринцами говорится и в их шаманском призывании:

*Хон шубуун хуряалатай,
Сэн шубуун сэмэлгэтэй,
Хори-монгол гарбалитай,
Тэнгэрийн найман хүүхэднэй тарахан
Хоёр отог хонгоодор...*

(«Два отока хонгодоров — потомки восьми небесных дев, имеющие хори-монгольское происхождение...») [19, с. 12].

Былое этническое единство хонгодоров и хоринцев просматривается также в бытовании у хонгодоров культа Зулатан — одной из двух «хоринских девиц» (шаманские божества *онгоны*). По данным хубсугульских бурят Монголии (переселенцев из Закамны и Тунки), Зулатан посвящали солового коня, на котором не разрешалось перевозить свиное мясо или рыбу, молочную водку *архи*. На такую лошадь запрещалось садиться женщине. При совершении обряда *сэтэрлэх* — «посвящение коня» — зажигали семь лампад в память о девяти небесных девах-лебедях, на одной из которых был женат предок хоринских бурят Хоридой [20, с. 87].

Исследователи едины в том, что в Евразии мощным центром культа предка-лебедя был Алтай. Об этом говорят приведенные в китайских династийных хрониках древнетюркские генеалогические предания, на это же указывает алтайская топонимия. Вблизи Телецкого озера на севере Горного Алтая протекает р. Лебедь (Куу). По ней обитает группа алтайских родов чалкан (челканцы), которую по месту ее расселения называют также куу-кижи (лебединцами). В состав челканцев входит род шакшалык, который отождествим с имеющимся у монголов Хубсугула и живущих по западную сторону Байкала бурят родом шошолок. У последних тотемный культ лебедя проявляется очень ярко. Они себя называют «произошедшими от белой птицы» (Сагаан шубуунтан), а своими братьями — хонгодоров и хоринцев [21, с. 153]. Более того, как пишет Г.Р. Галданова, в преданиях и шаманских призываниях их прародитель Шошолок иногда представляется человеком хоринского происхождения (хорийн х н) [19, с. 11].

Таким образом, рассмотренные выше группы хори, хонгодор, куулар и шошолок схожи друг с другом тем, что в качестве тотемического первопредка почитают лебедя. Наличие у них этого яркого этнического признака, за которым в этно-

графической литературе закрепилось мнение как о присущем тюркоязычным группам, говорит о тюркском происхождении названных общностей. Судя по всему, все они входили в состав телеского племенного объединения, которое в первых веках нашей эры как раз располагалось на территории между Монголией и Тувой [22, с. 68]. Благодаря своему стержневому признаку — тотему лебедь — группа «лебединцев» занимала в составе теле несколько обособленное положение, что позволило ей максимально сохранить, насколько это было возможно, свою яркую самобытность.

В период с конца V по 30-е гг. VI вв. в истории телесцев произошли два крупных взаимосвязанных события, второе из которых имело огромное значение для хоринцев. В 492 г. правитель теле Афучжило, выйдя из подчинения жужаньского кагана, со всем своим народом (свыше 100 000 юрт), в составе которого, как можно думать, были и хоринцы, с верховья Селенги ушел на запад, к Иртышу. Там он получил от старейшин титул Великий Сын Неба и основал самостоятельное, хоть и недолговечное, Гаогюйское государство, занимавшее земли между Верхним Иртышом и Восточным Тянь-Шанем [23, с. 216, 217; 24, с. 21].

В 536 г. телесцы во время похода на жужаней подверглись нападению племен тукю, были разбиты, и тукюсцы захватили их в количестве 50 000 кибиток [23, с. 228, 301]. Это событие, непосредственными участниками и очевидцами которых были хоринцы, привело к тому, что они передвинулись на юг к Куку-нору, более конкретно — к Цайдаму. На это указывает один из вариантов мифа о Хоридой-мэргэне, приведенный М.Н. Хангаловым, в котором озеро, на берегу которого разворачивается действие, называется Садамтын Сагаан нуур.

О его месторасположении М.Н. Хангалов привел две версии. По одной оно находилось на севере, в низовьях Лены, по другой — южнее Байкала, в Монголии [25, с. 110]. Сам он склонялся ко второй версии, в связи с чем привел такие сведения: «...Шаманы (после смерти. — Б.З.) поступают в подчинение великим богам; белые шаманы подчиняются сатинским богам и живут в их помещениях (сатани-бурхахи-сулган), которые находятся за Байкалом, у озера Садамтын-Саган, и представляются воображению бурят великолепными дворцами. Сатинские боги — добрые, покровительствуют людям; к ним принадлежат Хоредой-нойон и его жена Хобоши-хатун, дочь Неба Шара-Хасара, превращавшаяся в лебедя, почему буряты чтут лебедей и никогда не убивают; жалобный голос лебедя буряты приписывают тому, что лебедь, Хобоши-хатун,

покинувшая своего мужа Хоредоя, тоскует по своим детям, оставшимся на земле» [26, с. 391].

Т.М. Михайлов, изучая занимающий важное место в шаманизме бурят культ сатинских божеств, к которым были причислены Хоридой-мэргэн и его супруга, и взяв во внимание наблюдение Н.Н. Поппе, что многие специфические культы бурятского шаманизма известны среди почти всех монгольских народов, включая монголов Ордоса и Чахара [27, с. 154], высказал мнение, что оз. Садамтын Сагаан находилось в местности Цайдам вблизи Куку-нора [28, с. 121, 122].

Слово *Садамтын* этимологизируется просто. Оно образовано от слова *цайдам*, которое, как в свое время писал исследователь Внутренней Азии П.К. Козлов, состоит из тибетских слов *ца* (у монголов изменившееся в *цай*. — Б.З.) и *дам*, дающих значение «солончаковая местность» [29, с. 185]. Одной такой большой солончаковой местностью и является Цайдам, простирающийся к западу от Куку-нора. В целом топоним *Садамтын Сагаан нуур* переводится как «Цайдамское Белое озеро».

В Цайдаме произошло важнейшее для хоринцев событие, которое перекликается с распространенным у них мнением об особом месте данной территории в их истории. По словам известного бурятского сказителя Р.Э. Эрдынеева, тонко знавшего историю и традиционную культуру хори, район между Монголией и Тибетом считается священным для хоринцев. Эта земля питала их своими соками, здесь они набрались жизненных сил и оформились в народ [30].

На мой взгляд, последнюю часть сообщения Р.Э. Эрдынеева об оформлении хоринцев на территории между Монголией и Тибетом в народ надо понимать так. Там после слияния прибывших туда хоринских тюркоязычных родов «лебединцев» с местными монголоязычными родами галзут, бодонгут, гучит, батнай и др. сложилось классическое по типологии двуфратриальное племя (состоявшее из фратрий шаралдай и нагатай), которое стало называться *хори*. Надо полагать, в силу большей компактности и сплоченности родов «лебединцев» культ лебедя стал общим для всего племени. Прочный сплав тюркского и монгольского начала обусловил то неповторимое своеобразие языка и культуры хоринцев, благодаря которым они и сейчас ярко выделяются среди всех этногрупп, из которых образовалась бурятская народность. Важный для хоринцев цайдамский период отразился также в том, что вместо прежнего обезличенного саяно-алтайского мифа об охотнике и превращающейся в девушку лебеди, принадлежавшего нескольким родственным этносам, сложился сугубо хоринский вариант мифа о Хоридой-мэргэне, чей

брак с дочерью Неба Хобоши-хатун состоялся на берегу оз. Садамтын Сагаан.

Трудно сказать, что произошло дальше, но, предположительно в начале II тыс. н. э., хоринцы оказались на западной стороне Байкала, в верховье Лены. Что вынудило их уйти на север — это остается загадкой. Здесь произошло окончательное становление и формирование хоринского племени из одиннадцати родов. Со временем хоринцы с Лены через о. Ольхон стали постепенно выбираться в Забайкалье. Этот процесс получил свое завершение к 40-м гг. XVIII в. Этот финальный байкальский этап этнической истории хори получил развернутое выражение в позднем варианте мифа о Хоридой-мэргэне, в котором действие происходит на обеих сторонах оз. Байкал и на о. Ольхон.

Подводя итог, отмечу, что начальные этапы этногенеза племенной общности хори восходят к ее древней прародине Наян-Наваа. Отсутствие материалов не позволяет реконструировать раннюю историю этноса. Его реальная история прослеживается с первых веков нашей эры. Южнее Саяно-Алтая функционировала единая этнокультурная общность, состоявшая из племен теле и почитавшая в качестве тотемического предка лебедя. В ее составе были роды хуасай, хубдут и др., оказавшиеся несколько позже в составе хоринцев. В начале VI в., после разгрома телесцев племенами тукю, хоринские роды «лебединцы» ушли на юг, в район Цайдама, где взаимодействие с местными монголоязычными родами галзут, батнай, шарайт и др. привело к образованию известного сейчас племени, называвшегося *хори*. В Цайдаме сложился хоринский вариант мифа о Хоридой-мэргэне, содержание которого связано с оз. Садамтын Сагаан. В начале II тыс. хоринцы прибыли на западную сторону Байкала, откуда перешли на его южный берег. Заключительный этап этнической истории хори отразился в позднем варианте мифа о Хоридой-мэргэне, в котором действие разворачивается на Ольхоне и обоих берегах Байкала.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.2 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии» № АААА-А17-117021310264-4)

Литература

1. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 619 с.
2. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1952. Т. 1, Кн.1. 221 с.

3. Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1962. 265 с.
4. Нанзатов Б.З. Этногенез западных бурят (VI - XIX вв.). Иркутск: ЗАО Рекламно-полиграф. Центр "Радиан", 2005. 155 с.
5. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1972. 658 с.
6. Полевые материалы: информант (ПМИ) Тубден, 1946 г.р., г. Лхаса, Тибетский автономный район, КНР.
7. Нимаев Д.Д. Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ, 2000: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2000. 188 с.
8. Зориктуев Б.Р. К вопросу об этнической принадлежности общности байырку // Вестн. Калмыцкого ин-та гуманитар. исслед. РАН. 2016. № 3. С. 64-71.
9. Tubšinnima Galjud. Barγučud-un teūken irelte. Kōkeqota: Öbür Mongγol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a, 1985. 152 t.
10. Öljei J. Barγu Mongγul-un teūke. Tongliao: Öbür Mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 2013. 415 t.
11. Sundui. Erten-u barγu yasutan. Tongliao: Öbür Mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 2005. 233 t.
12. Дашибалов Б.Б. Истоки: от древних хори-монголов к бурятам. Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 122 с.
13. ПМИ Дондукова Д.Д., 1924 г.р., с. Ульдурга, Еравнинский р-н, Республика Бурятия.
14. Доржин Ц.Ц. Легендарная земля Наян-Наваа и белое пятно бурятской истории (Взгляд с позиций исторической географии). Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 1983. 34 с.
15. Дугаров Д.С. К проблеме происхождения хонгодоров // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1993. С. 207-235.
16. Санжеев Г.Д. Песнопения аларских бурят // Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее акад. наук СССР. Т. 3, Вып. 2. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. С. 459-552.
17. ПМИ Сэнгэдорж, 1932 г. р., сомон Улаан Уул, Хубсугульский аймак, Монголия.
18. ПМИ Жигжии, 1932 г. р., сомон Ренчинлхумбо, Хубсугульский аймак, Монголия.
19. Галданова Г.Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (Вторая половина XIX - первая половина XX в.). Новосибирск: Наука, 1992. 171 с.
20. Галданова Г.Р. Хонгодоры - хонгирады? // Монголо-бурятские этнонимы: сб.ст. Улан-Удэ, 1996. С. 83-93.
21. Цыдендамбаев Ц.Б. Этническое прошлое закаменских бурят по данным их исторических легенд // Краеведение Бурятии: сб. ст. Улан-Удэ, 1979. С. 34-38.
22. История Тувы. В 2 т. / отв. ред. С.И. Вайнштейн. Изд. 2-е, перераб. и доп. Новосибирск: Наука, 2001. 364 с.
23. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 380 с.
24. Хандсүрэн Ц. Жужаны хаант улс. Улаанбаатар: ШУХЭвлэлийн «Эрдэм» компани, 1994. 55 с.
25. Хангалов М.Н. Собр. соч. В 3 т. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1960. Т. 3. 421 с.
26. Хангалов М.Н. Собр. соч. В 3 т. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1958. Т. 1. 549 с.
27. Поппе Н.Н. Описание монгольских «шаманских» рукописей Института востоковедения // Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1932. № 1. С. 151-200.
28. Михайлов Т.М. О сайтинских божествах в шаманской религии бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983. С. 114-126.
29. Козлов П.К. Монголия и Кам // Труды импер. географ. об-ва. Т. 1, Ч. 1. СПб.: Типо-Литография «Герольд», 1905. 256 с.
30. ПМИ Эрдынеев Р.Э., 1908 г.р., с. Усть-Эгита, Еравнинский р-н, Республика Бурятия.